

к односторонним концепциям, искусственным, хотя порой и остроумным домыслам в построениях.¹

То, что Ф. И. Успенский ввел историю крестовых походов в рамки международных политических отношений, было бесспорным достижением русской медиевистической мысли и означало шаг вперед в изучении и понимании крестовых походов. Благодаря этому новому аспекту крестовые походы перестали представляться продуктом чисто религиозной борьбы, как они рисовались со времен Мишо и Зибеля (борьба „креста с полу-месяцем“). Крестовые походы предстали перед читателем как серия мероприятий политического характера, непосредственно связанных с развитием международной жизни в XII—XIII вв.

Несомненно, что повышение роли международных отношений в конце XIX — начале XX вв. и место, которое занимала в их системе царская Россия, оказали решающее влияние на концепцию Ф. И. Успенского, направили его внимание в область международных отношений эпохи крестовых походов и позволили русскому историку сказать новое слово в изучении этой проблемы.

Однако, несмотря на указанные достоинства, концепция Ф. И. Успенского была далеко не совершенна. Она несла на себе отчетливый отпечаток идейной ограниченности буржуазного историка и его реакционных политических устремлений.

Политическое кредо этого историка как одного из усердных проповедников политических идей русского самодержавия получило в его „Истории крестовых походов“ яркое конкретно-историческое выражение. Ф. И. Успенский видел в крестовых походах „эпизод столкновения двух миров, разделяющих и поныне господство в Европе и Азии“; более того — он видел в них „вступительную главу в историю восточного вопроса, в разрешении которого России суждено принять деятельное участие“.² Стремлением Ф. И. Успенского обосновать и оправдать захватническую политику русского самодержавия на Ближнем Востоке проникнуты многие страницы „Истории крестовых походов“. Это стремление лежит в основе своеобразного взгляда Ф. И. Успенского на отношения между крестоносцами и Византией и на византийскую восточную политику. Ф. И. Успенский берет под защиту все действия византийских императоров по отношению к крестоносцам, снимает с них обвинения современников и новых историков в коварстве, вероломстве и хитрости, почти во всем и всегда отстаивает их правоту и идеализирует внешнюю политику византийских императоров. Так, например, он явно приукрашивает отношение Алексея Комнина к крестьянскому ополчению крестоносцев: „Император отнесся к этой крестоносной толпе со всей гуманностью и состраданием“. Ф. И. Успенский, как это ни странно у такого знатока источников, некритически принимает тенденциозный рассказ Анны Комнин о том, что Алексей якобы высказал полное расположение к „мечтателю“ Петру Пустыннику, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и т. д.³ На самом деле византийское правительство в первую голову заботилось о том, чтобы удержать голодных и нищих пришельцев из Европы от грабежей и поспешило переправить их на азиатский берег, как только убедилось в неисполнимости этой задачи. Алексей руководствовался политическим расчетом, а отнюдь не „гуманностью и состраданием“.

¹ Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 105.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 14.